

СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА. ОПЫТ ОПРАВДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

1916, выдержки Дятлова Н. С. от 30.07.2015

«наука» и «научность» | «Плерома» | «эманация» | «пантеизм» | «мистика» | «гнозис» и «гностика» | «философия» | «дух» | «дуализм» | «монизм» | «творчество» | «культура» | «свобода» vs. «необходимость» | «природа» | «микрокосм» и «макрокосм» | «"мир"» | «эпоха закона (эпоха Ветхого Завета, откровение закона (Отца))», «эпоха искупления (эпоха Нового Завета, откровение искупления (Сына))», «творческая мировая эпоха (откровение творчества (Духа))» | «Ветхий Адам», «Ветхая Ева» и «Новый Адам» (андрогин) ? | «восхождение» | «теургия» | «сверхкультура»

I. Философия как творческий акт

1. Никто серьезно не сомневается в ценности науки. Наука — неоспоримый факт, нужный человеку. Но в ценности и нужности научности можно сомневаться. Наука — и научность — совсем разные вещи. Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науки. Научность покоится на вере в то, что наука есть верховный критерий всей жизни духа, что установленному ей распорядку все должно покоряться, что ее запреты и разрешения имеют решающее значение повсеместно. Научность предполагает существование единого метода. Никто не станет возражать против требования научности в науке. Но и тут можно указать на плюрализм научных методов, соответствующий плюрализму наук. Нельзя, напр., перенести метод естественных наук в психологию и в науки общественные. Это много раз показывали и доказывали немецкие гносеологи.
2. *Философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной.* Почти непонятно, почему философия возжелала походить на науку, стать научной. Не должны быть научны искусство, мораль, религия. Почему философия должна быть научна? Казалось бы, так ясно, что ничто на свете не должно быть научно, кроме самой науки. Научность есть исключительное свойство науки и критерий только для науки. Казалось бы, так ясно, что философия должна быть философской, исключительно философской, а не научной, подобно тому как мораль должна быть моральной, религия — религиозной, искусство — художественным. Философия — первороднее, исконнее науки, она ближе к Софии; она была уже, когда науки еще не было, она из себя выделила науку. А кончилось ожиданием, что наука выделит из себя философию. Та дифференциация, которая выделила науку из философии, должна радовать философию как освобождение ее самобытной сферы. Но дифференциация эта попутно вела к порабощению философии. Если признать философию специальной наукой в ряду других наук (напр., наукой о принципах познания или о принципах сущего), то этим окончательно упраздняется философия как самобытная сфера духовной жизни. Нельзя уже будет говорить о философии наряду с наукой, искусством, моралью и т.п. О философии придется говорить наряду с другими науками, с математикой, с физикой, химией, физиологией и т.п. Но ведь философия — самостоятельная область культуры, а не самостоятельная область науки.
3. По специфической своей сущности наука есть реакция самосохранения человека, потерянного в темном лесу мировой жизни. Чтобы жить и развиваться, должен человек познавательно ориентироваться в мировой данности, со всех сторон на него наступающей. Для этой охраняющей его ориентировки человек должен привести себя в соответствие с мировой данностью, с окружающей его мировой необходимостью. Наука и есть усовершенствованное орудие приспособления к данному миру, к навязанной необходимости. *Наука есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости.* Еще можно определить науку как сокращенное, экономическое описание данной мировой необходимости в целях ориентировки и реакции самосохранения. Научное мышление всегда находится в глубоком соответствии, в приспособлении к мировой

необходимости, оно есть орудие ориентировки в данном. Эта печать приспособления лежит не только на научном опыте, но и на дискурсивном мышлении, которым пользуется наука для своих выводов. Научная логика есть орудие приспособления к необходимости, в ней есть покорность мировой необходимости, и на ней лежит печать ограниченности этой необходимостью, этой данностью. Все ограничительные дилеммы формальной логики являются лишь приспособленным отражением ограничительных дилемм данной мировой необходимости.

4. <...> *наука есть послушание необходимости.* Наука — не творчество, а послушание, ее стихия — не свобода, а необходимость.
5. Правда, в науке всегда жили и боролись две души, и одна из них жаждала познания мировой тайны. Но науку создавала не эта душа, эта душа всегда склонялась к философии, к теософии, к магии. <...> Наука не знает последних тайн, потому что наука — безопасное познание. Поэтому наука не знает Истины, а знает лишь истины. Истина науки имеет значение лишь для частных состояний бытия и для частных в нем ориентировок. Наука создает свою действительность. А философия и религия создают совсем другие действительности.
6. *Философия есть искусство, а не наука.* Философия — особое искусство, принципиально отличное от поэзии, музыки или живописи, — искусство познания. Философия — искусство, потому что она — творчество. Философия — искусство, потому что она предполагает особый дар свыше и призвание, потому что на ней запечатлевается личность творца не менее чем на поэзии и живописи. Но философия творит бытийственные идеи, а не образы. *Философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира.*
7. Принижение Истины до тех научных понятий, которые явились результатом приспособления к необходимости, есть падение духа, отречение его от творческой активности. Поэтому творческая философия не может быть научной философией. Есть гнозис, превышающий науку и от нее не зависящий. Но творческая гностическая философия не есть и философия сентиментальная, философия чувства, философия сердца. Философия чувства — тоже ведь пассивная, послушная, не творчески-активная. Философия — не мечта, а действие.
8. Философия расслаблена страшной болезнью — болезнью рефлексии и раздвоения. Эту рефлексию, этот гамлетизм пытались философы возвести в методический принцип. В рационализме Декарта, в эмпиризме Юма и критицизме Канта рефлексия и сомнение возведены в ранг добродетелей философского познания. Рефлексия и сомнение лишают философию творчески-активного характера, делают ее пассивной. Рефлектирующий и сомневающийся не может быть активным в мире, не может быть воином, он весь погружен в ослабляющее его самораздвоение, он не уверен в той активной, творческой силе, которой мог бы воздействовать на мир. Творческий акт познания, преодолевающий границы и препоны, может совершать лишь твердо уверенный в своей познавательной силе, лишь цельный, а не раздвоенный. Сомнение и раздвоение делают познающего зависимым от мировой данности с ее дурной множественностью, делают рабом необходимости. Творческая философия — догматическая философия, а не критическая и не скептическая, цельная, а не раздвоенная.
9. *Задача философии — найти наиболее совершенную формулировку истины, увиденной в интуиции, и синтезировать формулы. Убеждает и заражает в философии совершенство формул, их острота и ясность, исходящая от них свет, а не доказательства и выводы.* Доказательства всегда находятся в середине, а не в началах и не в концах, и потому не может быть доказательств истин начальных и конечных. Доказательства, в сущности, никогда не доказывают никаких истин, ибо предполагают уже принятие некоторых истин интуицией. В середине же можно доказать какую угодно ложь. Доказательство есть лишь техника логического аппарата и к истине отношения никакого не имеет.

II. Человек. Микрокосм и макрокосм

10. Человек не только выше всех иерархических ступеней природы — он выше ангелов. Ибо ангелы — лишь оправа Божьей славы. Природа ангелов — статическая. Человек —

динамичен. Человеком, а не ангелом стал Сын Божий, и человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения. Человек сотворен по образу и подобию Божьему; зверь — по образу и подобию ангельскому. Поэтому в мире есть динамически-творческая бого-человеческая иерархия и нетворческая, статическая ангело-звериная иерархия. *Возобладание в Церкви статики над динамикой, омертвление в ней творческого духа и есть результат возобладания в ее духовном строе иерархии ангело-звериной над иерархией бого-человеческой.* Клерикализм и есть господство ангельского начала в мире вместо начала человеческого. Последствие его — озверение человека. В католической церкви не было богочеловечества. Священство — ангельской, а не человеческой природы и потому не может быть творчески-активным в мире; священство — лишь медиум божественного. Когда в центре вселенской иерархии хотят поместить ангела вместо человека, папу, епископа, священника — вместо человека, тогда статика побеждает динамику и человечество легко впадает в зверство. Ибо зверь подобен ангелу, человек же подобен Богу. И мир звериный должен стать оправой славы человека, как мир ангельский — оправа Божьей славы.

11. Ангелы — иерархическое окружение божественного организма и хранители человека как медиумы божественной энергии. Ангел, пожелавший стать царем космоса, стал дьяволом. <...> И это дерзкое богоотступничество ангела в космосу отозвались тем, что зверь, подобный ангелу, пожелал в нем царствовать. На земле в папе и во всяком священнике, всяком ангельском чине, пожелавшем царствовать и господствовать, отражается падение Ангела, дьявольский выход его из божественного покоя, из славы. Динамическим, творческим центром вселенной сотворен человек, но в исполнении своей свободы он последовал за падшим Ангелом, пожелавшим стать центром мира, и потерял свое царственное место, обессилил свое творчество и впал в состояние звериное.
12. Натуралистический антропоцентризм [?] не выдерживает критики и не может быть восстановлен. Коперник и Дарвин, по-видимому, окончательно его сокрушили и сделали идею центральности человека неприемлемой для научного сознания. Замкнутое небо мира средневекового и мира античного разомкнулось, и открылась бесконечность миров, в которой потерялся человек с его притязаниями быть центром вселенной. Коперник показал, что земля не есть центр космоса и что не вокруг нее вращаются миры. Земля — одна из планет, место ее очень скромное. Дарвин показал, что человек не есть абсолютный центр этой скромной планеты земли: он — одна из форм органической жизни на земле, той же природы, что и другие формы, один из моментов эволюции. Так принудила наука землю и человека к скромности, понизила их природное самочувствие. В природном мире человек не занимает исключительного положения. Он входит в круговорот природы как одно из ее явлений, одна из ее вещей, он — дробная, бесконечно малая часть вселенной. Теперь, когда смотрит человек ночью на звездное небо, он чувствует себя потерянным в этой бесконечности миров, раздавленным этой дурной бесконечностью. Огромные стихии природного мира, всюду возрастающие в плохую бесконечность, — дурная множественность солнечных миров и дурная множественность микроорганизмов, или, по новейшим гипотезам, супра-миров и инфра-миров, лишают человека его царственного и исключительного самосознания. Как исключительно природное существо, человек — не центр вселенной и не царь вселенной, он один из многих и принужден бороться за свое положение с бесконечно многими существами и силами, тоже претендующими на возвышение.
13. Что человек — творец, подобный Богу-Творцу, об этом ничего не раскрыто в сознании отцов и учителей церкви. <...> Вопрос о положительном, творческом призвании человека в мире даже никогда не поднимался святыми отцами и учителями церкви. <...> Для св. Исаака Сирианова [самого радикального и огненного из отцов] мир есть лишь страсти и человек делается сильным и получает ведение не через раскрытие своей человеческой природы, а через её окончательное умолкание и освобождение места для Бога. Человек обожествляется, но лишь путем умолкания всего человеческого, исчезновения человека и появления на его место Божества. У учителей церкви бывало учение о θεωσις'се человека, но в этом θεωσις'се человека совсем нет. Не ставится даже проблема о человеке. Но человек богоподобен не

только потому, что он способен привести в молчание свою природу и освободить место для Божества. В самой человеческой природе есть богоподобие, в самом человеческом голосе этой природы. <...> Бог хочет, чтобы не только Бог был, но и человек был. В этом — смысл мира. Для святых отцов задача человека — возврат к первоначальному состоянию до грехопадения. <...> Человек рожден «для того, чтоб сделаться достойным обитать в небесных селениях и быть вчлену в сонм святых Ангелов», т.е. призвание человека ангельское и потому пассивное и нетворческое. Всё значение святоотеческого сознания было в героической борьбе против ветхого Адама, против страстей мира.

14. Нераскрытость антропологической истины в христианстве привела к возникновению антропологии гуманистической, созданной по произвольному почину самого человека и в формальной реакции против религиозного сознания средних веков. Антропологическое сознание гуманизма зарождается в эпоху Возрождения и развивается в новые времена до XX века, когда достигает своей вершины и выявляет свои пределы. Гуманизм поставил антропологическую проблему и дал ход человеку и его силам. Но в эпоху Возрождения микрокосмичность человека сознавали только мистики, подобные Пико делла Мирандолло, который говорил: «Человек есть соединительная связь всей природы и как бы эссенция, составленная из всех ее соков. Поэтому, кто познает себя, познает в себе все». Преобладающее и побеждающее гуманистическое сознание освобождало и утверждало природного человека, утерявшего свою микрокосмичность и свою царственность. Гуманизм утверждает антропоцентризм субъективно-психологический, а не объективно-космический. Человек остается сам с собой, со своими ограниченными человеческими силами, связанный лишь с природной необходимостью. Человек должен был пройти через бого<о>ставленность. Гуманизм — необходимый опыт человечества. Человек должен был быть отпущен на свободу в природный мир, и человеческая жизнь должна была быть секуляризирована. Человек как необходимая часть природного мира захотел свободы и самостоятельности, субъективно и произвольно поставил себя целью в природе. Гуманизм и есть идеология природного, зависимого человека.
15. <...> гуманизм может обоготворить лишь природного человека, лишь человека как эмпирический факт, как каплю в природном море, себя субъективно поставившей целью. Если святоотеческое сознание обладает христологией и лишено соответствующей антропологии, то сознание гуманистическое не имеет христологии, соответствующей антропологии. Гуманизм не знает Небесного Адама, Абсолютного Человека, а потому не может знать подлинного достоинства человека.
16. Нет другого мира, и человек целиком принадлежит к этому единому миру и в нем должен искать себе счастья. Но в этом мире человек раб необходимости, бесконечно малая часть огромного механизма природы. Натурализм и позитивизм окончательно принижают человека, отрицают человека, ибо пучок восприятия, смена ощущений, дробная часть круговорота природы — не есть человек. В позитивизме исчезает та правда гуманизма Возрождения, которая связана была с возрождением античности как человеческой ценности. Гуманизм перерождается в антигуманизм, он отрицает человека. Подлинного человека, человека-микрокосма, царя природы, нет без Бога и Богочеловека.
17. Судьба гуманизма есть великая трагедия человека, ищущего антропологического откровения. Нераскрытость антропологии толкает человечество на путь гуманизма. Святоотеческое сознание оставляет человека беспомощным и раскрытию его творческой природы. И критика гуманизма должна быть имманентной, как имманентно должно быть его изживание.
18. Пафос всякого гуманизма — утверждение человека как высшего и окончательного, как бога, отвержение сверхчеловеческого. Но лишь только отвергается Бог и обоготворяется человек, человек падает ниже человеческого, ибо человек стоит на высоте лишь как образ и подобие высшего божественного бытия, он подлинно человек, когда он сыновок Богу. Человек не может быть только отцом, отцом своих детей, будущих человеческих поколений, он должен быть и сыном, должен иметь происхождение, должен иметь корни своей природы, уходящие в абсолютное бытие и в вечность. Гуманизм отверг сыновность человека — отказался от его происхождения; отверг свободу человека и вину его — отказался от достоинства человека.

19. <...> наша эпоха стоит под знаком исключительного антропологизма. Мы накануне антропологического откровения. И беспомощность христианства перед современной трагедией человека коренится именно в нераскрытости христианской антропологии. Новая христологическая антропология должна открыть тайну о творческом призвании человека и тем дать высший религиозный смысл творческим порывам человека.

III. Творчество и искупление

20. Новозаветное христианство есть религия искупления, благая весть о спасении от греха, откровение Сына Божьего, второй Ипостаси Св. Троицы, в аспекте Бога, страдающего за грехи мира. Это один из этапов духовного пути. Второй евангельский завет Бога и человека имеет прямое отношение лишь к искуплению греха через божественную любовь и благодать. В путях духовной жизни это — распятие на кресте розы жизни. Но исчерпывается ли тайна жизни и бытия тайной искупления, есть ли окончательная задача жизни лишь спасение от греха? Искупление греха, спасение от зла само по себе отрицательно, и конечные цели бытия лежат дальше, в положительной, творческой задаче. Искупление греха есть лишь одна из эпох мистической мировой жизни, сердцевина мирового процесса.
21. В Евангелии нет ни одного слова о творчестве, и никакими софизмами не могут быть выведены из Евангелия творческие призывы и императивы. Благовестие об искуплении греха и спасении от зла и не могло раскрыть тайну творчества и указать пути творчества. Евангельский аспект Христа как Бога, приносящего себя в жертву за грехи мира, еще не раскрывает творческую тайну человека. Соккрытие в новозаветном христианстве путей творчества — провиденциально. Существуют святоотеческие наставления о трезвении и молитве. Но нет и быть не может святоотеческих наставлений о творчестве. Сама мысль о таких наставлениях в творчестве звучит дико, оскорбительна для слуха. Как жалки все оправдания творчества через Евангелие! Оправдания эти обычно сводятся к тому, что говорят: Евангелие не запрещает и не исключает того и того, Евангелие допускает творчество, Евангелие — либерально. Так принижается и абсолютное достоинство Евангелия, и великая ценность творчества. Почти стыдно уже ссылаться на авторитет Евангелия в оправдание творчества ценностей жизни. Слишком злоупотребляли этим насилием над Евангелием. Из откровения об искуплении нельзя вывести прямым путем откровения о творчестве. Творческая активность человека не имеет своего священного писания, пути её не открыты свыше человеку. В священных писменах, в которых открывается человеку воля Божья, всегда находит человек абсолютную правду, но другую и о другом. В деле творчества человек как бы предоставлен самому себе, оставлен с собой, не имеет прямой помощи свыше. И в этом сказалась великая премудрость Божья.
22. *Если бы пути творчества были оправданы и указаны в священном писании, то творчество было бы послушанием, т.е. не было бы творчеством.*
23. То, что тайна творчества и пути его сокрыты в священном писании, в этом — премудрый эзотеризм христианства. Тайна творчества по существу своему эзотерична, она не откровенна, она — сокровенна. Открываться свыше могут лишь закон и искупление, творчество — сокрывается. Откровение творчества идёт не сверху, а снизу, это — откровение антропологическое, не теологическое.
24. *И Бог ждёт от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества.*
25. Творчество есть дело богоподобной свободы человека, раскрытие в нем образа Творца. Творчество не в Отце и не в Сыне, а в Духе и потому выходит из границ Ветхого и Нового Завета. Где Дух, там и свобода, там и творчество. Творчество не связано со священством и не подчинено ему. Творчество — в Духе пророческом. Дух не может иметь своего писания и не знает наставлений, Он раскрывается в свободе. Дух дышит, где хочет. Жизнь в Духе есть жизнь свободная и творческая. Антропологическое откровение, зачатое в Сыне, окончательно завершается в Духе, в свободном творчестве человека, живущего в Духе. Творчество не раскрывается еще ни в законе, ни в искуплении, ни в Ветхом, ни в Новом

Завете Бога с человеком. В Духе раскрывается тайна творчества, в Духе осознается природа человека, без письмён, без наставлений и указаний свыше.

26. *В творчестве снизу раскрывается божественное в человеке, от свободного почина самого человека, а не сверху.*
27. *Принудительное откровение творчества как закона, как наставления в пути противоречило бы Божьей идее о свободе человека, Божьей воле увидеть в человеке творца, отображающего Его божественную природу.*
28. Актом своей всемогущей и всеведущей воли захотел Творец ограничить своё предвидение того, что раскроет творческая свобода человека, ибо в этом предвидении было бы уже насилие и ограничение свободы человека в творчестве. Творец не хочет знать, что сотворит человек, ждет от человека откровений в творчестве и потому не знает того, что будет антропологическим откровением.
29. Творчество не есть только борьба со злом и грехом — оно создает иной мир, продолжает дело творения. Закон начинает борьбу со злом и грехом, искупление завершает эту борьбу, в творчестве же свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творенье Божье.
30. Было ли в мире творчество в религиозном смысле этого слова? Сам вопрос этот может показаться странным. Кто же сомневается в том, что было великое напряжение творчества в Греции или в эпоху Возрождения? На протяжении всей истории совершались творческие акты человеком, и в творческих ценностях видели цвет культуры. И все-таки должно сказать, что *не было еще в мире религиозной эпохи творчества*. Мир знает лишь религиозные эпохи ветхозаветного закона и новозаветного искупления. Мир жил религиозным послушанием или преступным непослушанием. А с послушанием нельзя творить в мире. То, что все называли творчеством, как бы ни было оно ценно и велико, то было лишь намеком на подлинное творчество, лишь знак, лишь подготовка. Творческие порывы сопровождают всю историю человека, но творческая природа его была обессилена космическим падением, погружением в низшие сферы бытия. Обычно, когда говорят о творчестве, то имеют в виду процветание «наук и искусств». Но в свете религиозном «науки и искусства» могут оказаться формой послушания, а не творчества. <...> Должно быть осознание того, как много в «культуре» от необходимости, а не от свободы, от приспособления, а не от творчества.
31. Религиозная эпоха творчества будет переходом к иному бытию, а не к иной только «культуре», не к иным «наукам и искусствам». Религиозная эпоха творчества есть третье откровение, откровение антропологическое, следующее за откровением Ветхого и Нового Завета. Древний мир шел к искуплению, но до явления Христа в нем не было еще искупления. Так новый мир идет к творчеству, но творчества в нём не было еще и не могло быть до космически-антропологического поворота, до великой религиозной революции в человеческом самосознании. И видно будет, что творчество «культуры» было подменой творчества «бытия» в эпоху закона и искупления, когда творческие силы человека были еще подавлены.
32. *Третье творческое откровение в Духе не будет иметь священного писания, не будет голосом свыше: оно совершается в человеке и человечестве, это откровение антропологическое, раскрытие христологии человека.*
33. Христианство, в лучшем случае, оправдывало творчество, но никогда не подымалось до того сознания, что не творчество должно оправдывать, а *творчеством должно оправдывать жизнь*.
34. Человеческая природа — творческая, потому что она есть образ и подобие Бога-Творца.
35. Творческий акт человека совершается в том плане бытия, на который не простирается компетенция науки, а потому не имеет к нему отношения и гносеология науки. Гносеологически оправдать или гносеологически отвергнуть самосознание человека как творца — одинаково невозможно и неуместно.
36. Творчество болезненно и трагично в существе своем. Цель творческого порыва — достижение иной жизни, иного мира, восхождение в бытии. А достижение творческого акта — книга, картина или правовое учреждение. Движение вглубь и ввысь проецируется на

плоскости. В этом есть большое и трагическое несоответствие между задачей творчества и результатом творчества.

IV. Творчество и гносеология

37. Познание как послушание ничего не может сказать о творчестве. Поэтому подлинная природа всякого творчества неведома ни науке, ни учению о науке, т.е. гносеологии.

V. Творчество и бытие

38. Творчество не есть переход мощи творящего в иное состояние и тем ослабление прежнего состояния — творчество есть создание новой мощи из небытия, до того не сущей. И всякий творческий акт по существу своему есть творчество из ничего, т.е. создание новой силы, а не изменение и перераспределение старой. *Во всяком творческом акте есть абсолютная прибыль, прирост.* Тварность бытия, совершающийся в нем прирост, достигнутая прибыль без всякой убыли — говорят о творящем и творчестве.
39. Мистико-пантеистическое учение об эманации так же отрицает творчество, как и материалистически-натуралистическое учение об эволюции. Если мир есть лишь эманация, истечение Божества, если в него лишь переливается божественная мощь и убавляется по мере отдаления от источника, то и в самом мире возможно лишь истечение и переливание сил, лишь перераспределение мощи бытия, а не прирост мощи.
40. Материалистический эволюционизм имеет странное родство с учением об эманации, несмотря на то, что в эманации все ухудшается по мере отдаления от Божества, а в эволюции все улучшается.
41. Закон сохранения энергии материализм понимает как отрицание творчества, как консерватизм бытия. Учение об эманации также по-другому должно признать консервативный закон сохранения энергии. Творчество есть прирост энергии не из другой энергии, а из ничего, а потому не признает абсолютного и вселенского характера за законом сохранения энергии, преодолевает его.
42. Тот процесс, который порождается внешним соотношением мировых субстанций и их перераспределением, есть эволюция. Тот процесс, который рождается из внутренней мощи субстанций, из их личной оригинальности, есть творчество.
43. Без Христа Бог страшен и далек и не может быть оправдан. Христос — единственная теодицея. Теизм не христианский, без Троичности и без Христа, ужасен, мертвен и ненужен. Нельзя верить в Бога, если нет Христа. А если есть Христос, то Бог не хозяин, не господин, не самодержавный повелитель — Бог близок нам, человечен, Он в нас и мы в Нем. Бог Сам Человек — вот величайшее религиозное откровение, откровение Христа. С Христом прекращается самодержавие Бога, ибо сыновний Богу человек призывается к непосредственному участию в божественной жизни. Управление миром становится богочеловеческим.
44. Творение мира не закончено в семь дней. Семидневное законченное творение есть ограниченный ветхозаветный аспект творения, для которого не раскрывается полная тайна творения.
45. <...> официальное учение о творчестве мира в православии и католичестве — ветхозаветно, в нем не раскрыта до конца тайна Христа о том, что в Христе продолжается творение человеком. Космогония христианства осталась библейской космогонией семидневного творения мира Богом Отцом. Космический смысл явления Нового Адама не раскрыт христианством. И потому задача человека и мира понимается как *возврат* в лоно Бога Отца, к первоначальному состоянию. Лишь ветхозаветное сознание могло понять мировую жизнь как возврат, как победу над грехом, т.е. бесприбыльно. Христианская космология и космогония поистине остались ветхозаветными, они видят мир и его творчество лишь в аспекте Бога Отца. Для христианского сознания еще неведомо было творческое откровение о том, что задача человека и мира создать небылое, дополнить и обогатить Божье творение.

- Мировой процесс не может быть только изживанием и искуплением греха, только победой над злом. *Мировой процесс — восьмой день творения, продолжающееся творение.*
46. Наука и религия одинаково загипнотизированны искуплением греха и необходимостью, порожденной грехом. Ортодоксальное православное сознание так же не допускает творчества и боится его, как и ортодоксальное научное сознание.
 47. Есть вечная и непреходимая грань, отделяющая творчество тварное, человеческое от творчества божественного, творчества Творца. Тварное существо не творит существ — существа творит лишь Творец. Тварное бытие не сильно создать лицо — лицо создается лишь Богом. Лицо предвечно творится в Боге. Всякая попытка со стороны тварного существа создать существо, лицо ведет лишь к созданию автомата, мертвого механизма. Такая попытка всегда демонична, это — черная магия.
 48. В каком смысле существует два мира, мир «сей» и мир «иной»? Онтологически существует лишь один мир, одно божественное бытие. Но падение бытия раскололо и раздвоило его. Мир пришел в болезненное состояние. Мир «сей» и есть болезнь бытия, плен, его падшее состояние, частичная утеря им свободы и подчинение внешней необходимости. Мир «иной» и есть здоровое бытие, его подъем, его освобождение, его полнота. Мир «сей» должен быть преодолен и побежден — это не означает вражды к миру, к космосу, это означает лишь вражду к его болезни, порабощению и падению.

VI. Творчество и свобода. Универсализм и индивидуализм

49. Человеческое творчество из «ничего» не означает отсутствия сопротивляющегося материала, а означает лишь ничем не детерминированную абсолютную прибыль. Детерминирована только эволюция; творчество не вытекает ни из чего предшествующего. Творчество — необъяснимо. Творчество — тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы — бездонна и неизъяснима, она — бездна.
50. Положение, которое занял Перво-Адам в раю, не было еще высшим положением Человека, в нем не открывалось еще активно-творческое назначение человека. Свобода всечеловека — Адама не была еще соединена с свободой Абсолютного Человека — Христа, и в ней скрывалось семя падения и греха. Для Адама был как бы выбор между абсолютным послушанием и абсолютным произволом. Творческая свобода не открывается на этой стадии творения.
51. Но последняя истина о зле скрыта в гениальных прозрениях Я. Бёме. Из Ungrund'a, из Бездны рождается свет, Бог, совершается теогонический процесс и истекает тьма, зло как тень божественного света. Зло имеет источник не в рождённом Боге, а в основе Бога, в Бездне, из которой течёт и свет, и тьма. Осмыслить зло можно лишь через внесение принципа развития в божественную жизнь.
52. Свобода не есть сознанная необходимость, как учили германские идеалисты. Необходимость есть дурная, бессознательная свобода, свобода, не просветленная Логосом.
53. Любовь сжигает всякую необходимость и дает свободу. *Любовь есть содержание свободы, любовь — свобода нового Адама, свобода восьмого дня творения.* Мир заколдован злобой и может быть расколдован лишь любовью.
54. Индивидуальность, достигшая абсолютного отъединения и отчуждения от вселенной, от иерархии живых существ, превратилась бы в небытие, истребилась бы без остатка. Индивидуальность и индивидуализм — противоположны. Индивидуализм — враг индивидуальности.
55. Индивидуализм есть трагедия пустой свободы. Индивидуализм не говорит — «хочу того-то» (содержание), он говорит — «хочу того, чего захочу» (пустота). Но свободный волевой акт должен иметь содержание, предмет, цель — он не может быть пустым, беспредметным, бесцельным. Свободный волевой акт хочет «того-то», а не «того, чего захочет».
56. Бесконечно беден и бессодержателен человек, если нет ничего выше его, нет Бога, и бесконечно богат и содержателен человек, если есть высшее, чем он, есть Бог. Движение невозможно для человека, если нет высшего и божественного, некуда двигаться.

57. Познать творческую активность лица — значит быть творчески активным лицом. Познать свободу лица — значит быть свободным лицом. Подобное познается подобным. Внутреннее родство субъекта познания и объекта познания — обязательное условие истинного познания. Только свободный познает свободу, только творящий познает творчество, только дух познает духовное, только микрокосм познает макрокосм. Познавать что-нибудь в мире значит иметь это в себе.

VII. Творчество и аскетизм. Гениальность и святость

58. Творчество вполне принимает и блюдет евангельскую заповедь — не любить «мира», ни того, что в «мире». Творящий чувствует себя не от «мира сего». Творчество есть преодоление «мира» в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему. В творческом акте человек выходит из «мира сего» и переходит в мир иной. В творческом акте не устраивается «мир сей», а создается мир иной, подлинный космос.
59. Творец может быть демоничен, и демонизм его может отпечатлеться на его творении. Но не может быть демонично великое творение, творческая ценность и породивший ее творческий экстаз. Я думаю, что в природе Леонардо был демонический яд. Но в творческом акте сгорел демонизм Леонардо, претворился в иное, в свободное от «мира» бытие. В Джоконде, в Вакхе, в Иоанне Крестителе просвечивает демонизм леонардовской природы. Но обречены ли сгореть в адском огне великие творения леонардовского гения? Нет, в этих творениях уже сгорело зло леонардовской природы и демонизм его претворился в иное бытие, пройдя через творческий экстаз гения.
60. Св. Серафим ничего не творил, кроме самого себя, и этим лишь преображал мир. Пушкин творил великое, безмерно ценное для России и для мира, но себя не творил. В творчестве гения есть как бы жертва собой. Делание святого есть прежде всего самоустроение. Пушкин как бы губил свою душу в своем гениально-творческом исхождении из себя. Серафим спасал свою душу духовным деланием в себе.
61. Гениальность есть иной религиозный путь, равноценный и равнодостоинный пути святости. Творчество гения есть не «мирское», а «духовное» делание.
62. В гениальности нет ничего специального, она всегда есть универсальное восприятие вещей, универсальный порыв к иному бытию. Гениальность есть целостное бытие, универсальное качество. Гениальность всегда есть качество человека, а не только художника, ученого, мыслителя, общественного деятеля и т.п. Гениальность есть особая напряженность целостного духа человека, а не специальный дар.
63. Но гениальность шире гения. Гениев в строгом смысле слова рождается мало. Гениальность присуща многим, которых гениями назвать нельзя. Потенция гениальности заложена в творческой природе человека, и всякий универсальный творческий порыв гениален.
64. Талант обычно создает ценности и оценивается. В таланте есть умеренность и размеренность. В гениальности — всегда безмерность. Природа гениальности всегда революционна. Талант действует в середине культуры с ее «науками и искусствами». Гениальность действует в концах и началах и не знает граней. Талант есть послушание. Гениальность — дерзновение. Талант от «мира сего». Гениальность от «мира иного». В судьбе гениальности есть святость жертвенности, которой нет в судьбе таланта.
65. <...> в христианстве заложено не только трудовое, основанное на потовой заслуге чувство жизни, но и даровое, *даровитое* чувство жизни. Всякий дар — даровой, и лишь даровое — даровито. <...> Судьба человека и мира не только трудовая, потовая, но и даровая, даровитая судьба. И в даровитости есть своя жертвенность, свой подвиг.

VIII. Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность

66. Во все времена чувствовалась жуткая связь пола с рождением и смертью.
67. Ибо поистине не мужчина и не женщина есть образ и подобие Божье, а лишь андрогин, дева-юноша, целостный бисексуальный человек. Дифференциация мужского и женского есть последствие космического падения Адама.

68. Учение о Деве и есть учение о Софии — Божьей Премудрости. Софийность человека связана с его андрогинностью. Падение андрогина было утерей девы-Софии и возникновением женщины-Евы.
69. Новый человек есть прежде всего человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искаженное распадом на мужское и женское в человеческом роде. Тайна о человеке связана с тайной об андрогине.
70. Но священная, мистическая идея андрогинизма имеет свое опасное, карикатурное подобие в гермафродитизме. Вывороченный наизнанку андрогинизм в «мире сем» принимает форму гермафродитизма. Но всякий гермафродитизм есть карикатурное уродство, подмена, лжебытие. Откровение о небесном андрогинизме потому и должно было оставаться эзотерическим, что была опасность вульгаризации в земном гермафродитизме.
71. Весь мировой кризис заостряется в роковой гибели материнства, а тем самым и материи. Наступает футуристически-технический конец религии рода, религии материнства и материи, и нет сил охранить и предотвратить от гибели родовую, материнскую, материальную органическую жизнь. От материи останется лишь преображенная чувственность и вечная форма просветленной телесности, свободной от всякой тяжести и органически-родовой необходимости.

IX. Творчество и любовь. Брак и семья

72. Прежде всего, совсем нельзя верить тому, что сексуальный акт когда-либо и кем-либо в мире совершался для добродетельных целей деторождения, он всегда совершался стихийно, по страсти, для призрачного самоудовлетворения. Род торжествует в сексуальном акте не потому, что добродетель родовая присутствует у кого-либо как цель, а потому, что он бессознательно господствует над человеком и смеется над его индивидуальными целями.
73. *Семья родилась из необходимости, а не из свободы.*
74. В этой центральной точке проблемы пола и проблемы семьи скопилось ужасное лицемерие. Моральный пафос деторождения, брезгливо презирающий сексуальный акт, по существу лицемерен. Религиозно, морально патетическое отношение к деторождению должно быть перенесено и на самый сексуальный акт. Если божественно деторождение, то божествен и акт, от которого оно зависит.
75. [Но] Новый Завет, не знающий закона, преодолевающий закон, не отменяет закона для мира, погруженного в неискупленный грех, для мира, поработленного природными стихиями.
76. В строе семьи узаконенная полигамия будет более правдивой и для новых условий жизни более целесообразной формой, чем лицемерная и выродившаяся моногамия.
77. Любящий прозревает любимого через оболочку природного мира, через кору, лежащую на всяком лице. Любовь есть путь к раскрытию тайны лица, к восприятию лица в глубине его бытия. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир. Только любящий подлинно воспринимает личность, разгадывает ее гениальность. Все мы — не любящие, знаем лишь поверхность лица, не знаем его последней тайны.
78. В так называемом браке разврат так же находит себе приют, как и в местах, не имеющих оправдания. Разврат всюду имеет место, где целью не является соединение любящих, проникновение через любовь в тайну лица.
79. Женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу — носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина вся пол, ее половая жизнь — вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек.
80. Половая любовь связана с самим существом личности, с утерей человеком образа и подобия Божьего, с падением андрогина, в котором женственность была не чуждой ему стихией, внешне притягивающей, а внутренним началом в человеке, в нем пребывающей девой.

Х. Творчество и красота. Искусство и теургия

81. Творчество художественное лучше всего раскрывает сущность творческого акта. Искусство есть сфера творческая по преимуществу. Принято даже называть художественным творческий элемент во всех сферах активности духа. Ярко творческое отношение к науке, к философии, общественной жизни, морали считают художественным. И Творец мира воспринимается в аспекте великого художника. Чаяния творческой эпохи — чаяния эпохи художественной, в которой искусство будет главенствовать в жизни. Художник — всегда творец. В искусстве есть творческая победа над тяжестью «мира сего» — никогда не приспособление к этому «миру».
82. Мир христианский не допускает никакого замыкания, завершения в этом мире. Красота для него всегда есть то, что говорит о мире ином, т.е. символ.
83. <...> в искусстве сама форма есть содержание.
84. *Тайна Возрождения — в том, что оно не удалось.*
85. Реализм в искусстве — крайняя форма приспособления к «миру сему». Реализм не стремится, подобно классицизму, к достижению ценности красоты здесь, имманентно, он послушен не канону-закону, как классицизм, а действительности, мировой данности. Реализм наиболее удаляется от сущности всякого творческого акта, это наименее творческая форма искусства. Реализм как направление давит и угашает творческие порывы художника.
86. Художник верит, что красота реальнее уродства этого мира. Реалистическое направление верит в то, что уродство реальнее красоты, и зовет к послушанию этому уродству мира. Реалистическое искусство — буржуазно. Вырождение реализма в натурализм было последним словом этого приспособления и послушания.
87. В искусстве творится не новое бытие, а лишь знаки нового бытия, символы его.
88. <...> символизм не может быть последним лозунгом художественного творчества. Дальше символизма — мистический реализм; дальше искусства — теургия. Символизм есть путь, а не последняя цель, символизм — мост к творчеству нового бытия, а не само новое бытие. Символизм — вечное в искусстве, ибо всякое подлинное искусство есть путь к новому бытию, мост к иному миру.
89. Ныне ставится глубоко революционный вопрос о невозможности уже искусства как культурной ценности. Творческий художественный акт переливается из культуры в бытие. Символизм есть уже неудовлетворенность культурой, нежелание остаться в культуре, путь к бытию. Мы живем при наступлении конца срединного человеческого искусства, культурного искусства.
90. Эстетизм уходит в мир призрачный, в красоту как не сущее, от уродства сущего. Если бы эстетизм творчески достиг последней красоты сущего, он бы спас мир. Ибо красота мир спасет, по словам Достоевского.
91. В мистическое католичество идут лучшие французские эстеты, чуждые модернизму буржуазному и декадентству самодовольному.
92. Навеки утверждена автономность красоты, ее несводимость на добро и истину, ее самостоятельное место в божественной жизни. Будничная проза жизни — не только последствие греха, она — грех, послушание ей — зло. Праздничная поэзия жизни — долг человека, во имя которого должны быть принесены жертвы жизнью обиденной, ее благами и ее спокойствием. Красота — не только цель искусства, но и цель жизни. И цель последняя — не красота как культурная ценность, а красота как сущее, т.е. претворение хаотического уродства мира в красоту космоса. Символизм и эстетизм с небывалой остротой поставили задачу претворения жизни в красоту.
93. Возможно лишь имманентно-творческое, а не внешне-нигилистическое преодоление искусства и науки, как и всей культуры, во имя высшего бытия. Это — путь сверхкультурный, а не докультурный.
94. Не одно искусство ведет к теургии, но искусство — один из главных путей к ней.

95. Искусство теургическое не может быть дифференцированным и индивидуалистическим. Теургическое искусство — синтетическое и соборное, это некое неведомое еще, нераскрытое панискусство. Вагнер стремился к такому искусству, но никогда не осуществил его.

XI. Творчество и мораль. Новая этика человечества

96. Категорический императив прежде всего страшно тяжел, в нём нет окрыленности.
97. Грех традиционной христианской морали, привитой к миру, утерявшему веру христианскую, совсем не в крайностях аскетизма. Грех этот в оппортунистической приспособленности к «буржуазному» миру. *Христианская мораль во имя послушания тяготе мира оправдывает мир таким, какой он есть, мир, во зле лежащий.* Мораль эта проникнута пафосом малых дел и скромных положений, она боится дел больших, героических, окрыленных. Бескрылость возведена почти в ранг религиозного подвига. Санкционируется маленький моральный профессионализм. Пусть каждый скромно сидит на своем месте и терпеливо делает свое маленькое дело. Нехорошо слишком возвышаться над злом и уродством мира. Должно разделить всеобщее уродство и всеобщую умаленность, придавленность. Тут вечный источник инерции и реакции на почве какого-то своеобразного религиозного демократизма. Мораль эта не любит горного, враждебна всякому аристократическому духу. Ей чужд дух Прометея.
98. Буржуазно все, что оценивает человека не по качествам внем, а по положению его, по окружающей его среде.
99. Христианство есть путь раскрытия в каждом человеке Абсолютного Человека. Но в мировую эпоху искупления Абсолютный Человек раскрывается в аспекте жертвенном, и мораль христианская — жертвенная мораль. Другой аспект Абсолютного Человека раскрывается и творчестве. Поэтому путь христианской морали — через жертву к творчеству, через отречение от мира сего и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни.
100. Новая творческая эпоха будет сверхморальной, как и сверхкультурной, а не доморальной и не докультурной.
101. <...> трудно сравнивать людей в моральном отношении. Ибо никто не знает, сколько кому что стоит. *Моральная задача каждого — неповторимо индивидуальна. И потому задача моральной оценки есть задача интуитивного вникновения в тайну индивидуальности, а не количественной моральной механики.* Потому и сказано: не судите.
102. Только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, освободит от тяжести исключительно отрицательного самосознания. В этике творчества будет вдохновение новой, небывшей еще жизни. Это — жизнь в Духе, а не в мире, жизнь, духовно свободная от реакций на мир и мирское. Из этики творчества вытекает и новая оценка общественности. Новая творческая жизнь не может двигаться ни вправо, ни влево по линии «мира», а лишь ввысь и вглубь по линии Духа.

XII. Творчество и общественность

103. Всякое хозяйство есть тяжелая забота, труд в поте лица, библейское проклятие. Хозяйственный труд, как и всякий труд, не есть еще творчество и предполагает несение послушания последствиям греха. В заботе, опасении и трудовом поте хозяйства, права и государства нет даровой благодати любви. Новый Завет не знает ни государства, ни права, ни хозяйства. Эти ветхие элементы общественности «мира сего» создались вне новозаветного откровения.
104. В сущности, старохристианский, православный и католический, угол зрения на мир исключает возможность борьбы со злом в мире, с неправдой и несправедливостью в миропорядке, ибо мирочувствие это признает лишь грех и его роковые последствия, но не признает противостоящего человеку злу; несправедливости в земных положениях людей, в строе жизни. Христианство принимало мир таким, каков он есть, оправдывало строй жизни как неизбежное и справедливое последствие греха. Оно делало невозможным священное негодование против низкой неправды. <...> Чтобы бороться воинственно со злом и

- неправдой, чтобы революционизировать жизнь, создавать жизнь новую, для этого нужно признать самостоятельный источник зла и порабощения в мире. Но зарождается ли творчество нового Града в революциях?
105. Реакции и революции — греховный кошмар. Путь творческой общественности предполагает иное сознание, иное направление воли. Творчество созидает нового человека и новый космос, новое общение человека с человеком и человека с космосом. Но творчество ничего не разрушает механически, внешне, призрачно.
 106. Идеалы социализма — буржуазные идеалы. Социализм целиком принимает все буржуазные ценности благ этого мира и хочет их только дальше развить и по-новому распределить, сделав достоянием всего мира. Социализм не сомневается в ценности мирского богатства и хорошей, довольной жизни в этом мире. Он только хочет богатства и довольства жизни для всех, хочет всеобщей «буржуазности». Социализму свойственно не столько презрение к буржуазности, сколько зависть к ней. Социализм хочет окончательной буржуазности как царства мира сего. Социализму чуждо аскетическое преодоление буржуазности этого мира во имя мира иного.
 107. Но есть великая правда социализма перед лицом буржуазно-капиталистической общественности. Мир буржуазный должен будет уступить место миру социалистическому по необходимости и по справедливости. Социализм есть необходимое и справедливое развитие буржуазности, буржуазного мироустройства. Все буржуазные аргументы против социализма — лицемерны и порочны. Социализм есть последняя правда и последняя справедливость буржуазности.
 108. Взыскание Града грядущего, какую бы форму оно ни принимало, религиозную или антирелигиозную, всегда переходит за грани канонической культуры, за грани дифференцированной политики, всегда есть устремление к последнему и конечному. Искание Царства Божьего на земле есть искание выхода из всякого приспособления к природной необходимости, есть жажда освобождения от тяжести «мира». Скачок в царство свободы, о котором даже марксисты говорят, без всякого на то права, есть революционный разрыв со всякой ветхой общественностью «мира сего», со всякой «политикой», всякой государственностью, всякой заботой о безопасности в мире. Революционный переход от религиозного послушания к религиозному творчеству совершается через мировой кризис срединно-канонической культуры и срединно-канонической общественности. Это — переход к концу.
 109. Социализм — последнее послушание в несении бремени мира, справедливое распределение этого бремени. В социализме всегда есть отрицательная правда и положительная неправда. Наряду с элементами справедливости в социализме царит стихия, из которой может развиваться общественность антихристова. Ибо антихристова общественность и будет последним результатом безбожного устройства мирского царства, человеческого муравейника, последним воплощением буржуазности, последним явлением рабского пути необходимости.
 110. Аристократия есть единственно должная, желанная, нормальная, космическая форма властвования в мире, ибо это — властвование внутреннего человека, властвование призванных и великих. Это — аристократия жертвенного служения.
 111. В мире этом, в мире, отяжелевшем от греха, дух воинственный наименее буржуазен, наиболее переходит за грани мира. Средние века — наименее буржуазная и наиболее воинственная эпоха. До конечной победы над злом, до преображения этого мира в новую землю и новое небо дух воинственный не может и не должен быть истреблен в сердце человеческом. Это неумирающий дух рыцарства, вечно противящийся окончательной победе буржуазности, дух священного негодования против переходящего все пределы зла.
 112. Вся ветхая общественность и вся старая цивилизация (она выявилась вполне лишь в новом XX веке) должна сгореть дотла, чтобы Новый Иерусалим сошел с неба на землю. Путь к Новому Иерусалиму — жертвенный. Сказано, что он с неба сойдет. Это значит, что он творится не из элементов «мира».

113. <...> все рационалистические споры о хилиазме, о тысячелетнем Царстве Христовом должны быть отброшены. Будет ли тысячелетнее Царство Христово на земле или на небе, в этом мире или ином мире, в материи или только в духе? Царство Христово лежит вне эволюции «мира». Царство Божье родится не из элементов «мира». Но это не значит, что Царство Христово не будет на земле. Ибо земля — метафизична, а не только физична, земля наша принадлежит и иному миру, она принадлежит вечности.

XIII. Творчество и мистика. Оккультизм и магия

114. *«Бог это существо, которое можно познать лучше всего через “ничто”».*
115. Творение для него [Экхардта — прим. Н.Д.] и есть отпадение от Перво-Божества, неизреченного «Ничто», сверхсущего. Он отрицает человека и творчество.
116. Мистика — духовна. Мистика есть богообщение. Магия — природообщение. Мистика — в сфере свободы. Магия — еще в сфере необходимости.

XIV. Три эпохи. Творчество и культура. Творчество и церковь. Творчество и христианское возрождение

117. Мир проходит через три эпохи божественного откровения: откровение закона (Отца), откровение искупления (Сына), откровение творчества (Духа). Эпохам этим соответствуют разные знаки на небесах. Нам не дано знать резких хронологических граней этих эпох. Все три эпохи сосуществуют. И ныне не изжит до конца закон и не совершилось еще искупление греха, хотя мир вступает в новую религиозную эпоху. И в эпоху закона мир предчувствовал новые религиозные эпохи: не только пророческое сознание Ветхого Завета, но и трепетание мировой души в язычестве ждали явления Христа-Искупителя. Три эпохи божественного откровения в мире — три эпохи откровения о человеке.
118. Мирская культура должна свободно, имманентно прийти к новой религиозной жизни. Нельзя не допускать до Ницше — нужно пережить и преодолеть Ницше изнутри.
119. С третьей творческой религиозной эпохой связано чувство конца, эсхатологическая перспектива жизни. В третью эпоху, эпоху религиозного творчества, должны выявиться все концы и пределы мировой жизни и культуры. Творчество этой эпохи по существу направлено на последнее, а не на предпоследнее, все её достижения должны уже быть не символическими, а реалистическими, не культурными только, а бытийственными.

Конец текста